

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.21>

UDC 94(47).05

LBC 63.3(2)511

Submitted: 09.09.2025

Accepted: 03.11.2025

INTERROGATION SPEECHES AS INFORMATION ON THE ORGANIZATION OF THE INTELLIGENCE OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE GREAT NORTHERN WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF THE NAVY)

Sergey A. Ivanyuk

Central Museum of Communications named after A.S. Popov, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The Great Northern War (1700–1721) had a significant impact on the development of military affairs in the Russian Empire, where intelligence played an important role in the course of military operations. One of the sources revealing the organization of military intelligence in the army of Peter I is the so-called interrogation speeches. The funds of the Russian State Archive of the Navy contain a large array of such sources. The study and analysis of these archival materials allows us to make a significant contribution to understanding the development of the domestic intelligence service. *Methods and materials.* The methodological apparatus of this work is based on a comprehensive approach, including source and formula analysis, as well as systematization of archival materials. *Analysis.* The study of interrogation speeches for the period 1710–1720 makes it possible to form a certain system in the compilation of such documents and the peculiarities of interrogating various prisoners of war. During the analysis of the surviving sources, it was possible to identify the main blocks of questions of interest to the Russian command, depending on the combat situation. *Results.* The study of interrogation speeches allowed for a comprehensive examination of the Russian army's intelligence mechanisms during the Great Northern War and an assessment of their practical significance. It was determined that interrogation speeches had a clear structure, including an introductory and a main section. The content varied depending on the source of information but always focused on current intelligence objectives. The status of the interviewee directly influenced the nature and value of the information. The data obtained was not a formality; rather, it directly influenced the strategic and tactical decisions of the command, ultimately contributing to the success of military campaigns.

Key words: Peter I, Great Northern War, intelligence, small war, Russian State Archive of the Navy.

Citation. Ivanyuk S.A. Interrogation Speeches as Information on the Organization of the Intelligence of the Russian Army During the Great Northern War (Based on the Materials of the Russian State Archive of the Navy). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 244–253. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.21>

УДК 94(47).05

ББК 63.3(2)511

Дата поступления статьи: 09.09.2025

Дата принятия статьи: 03.11.2025

РАССПРОСНЫЕ РЕЧИ КАК ИСТОЧНИК ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДКИ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАВМФ)

Сергей Александрович Иванюк

Центральный музей связи им. А.С. Попова, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация: *Введение.* Северная война (1700–1721 гг.) оказала существенное влияние на развитие военного дела России, где важную роль в ходе военных действий играла организация разведки. Одним из источни-

ков, раскрывающим организацию военной разведки петровской армии, являются так называемые расспросные речи. *Методы и материалы.* Данное исследование основано на анализе расспросных речей, отложившихся в фонде 233 Российского государственного архива Военно-Морского Флота с привлечением 117 документов. Их изучение позволяет внести существенный вклад в понимание особенностей развития отечественной разведывательной службы. Использованы общесторические методы исследования и источниковедческий – формулярный анализ. *Анализ.* В ходе изучения расспросных речей за 1710–1720 гг. удалось выделить основные блоки вопросов, интересующих русское командование, в зависимости от боевой обстановки, особенностей допроса различных военнопленных. *Результаты.* Проведенное исследование расспросных речей позволило комплексно изучить механизмы ведения разведки русской армией во время Северной войны и оценить их практическую значимость. Определено, что расспросные речи имели четкую структуру, которая включала вводную и основную части. Содержание варьировалось в зависимости от источника информации, но всегда фокусировалось на актуальных разведывательных задачах. Статус опрашиваемого лица обуславливал характер и ценность информации. Полученные данные не были формальностью, а напрямую влияли на стратегические и тактические решения командования, что в итоге способствовало успеху военных кампаний.

Ключевые слова: Петр I, Северная война, разведка, малая война, Российский государственный архив Военно-Морского Флота.

Цитирование. Иванюк С. А. Расспросные речи как источник по организации разведки русской армии во время Северной войны (по материалам РГАВМФ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 244–253. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.21>

Введение. Северная война (1700–1721) оказала существенное влияние на развитие военного дела России эпохи Петра I. Важную роль в ходе боевых действий играла организация разведки. Она давала возможность своевременно получать значимую информацию о противнике, что позволяло оперативно реагировать на изменения боевой обстановки.

Одним из источников, раскрывающим организацию военной разведки петровской армии во время Северной войны, являются так называемые расспросные речи. Это записи допросов военнопленных, перебежчиков-дезертиров, выходцев из плена и местных жителей. Расспросные речи фиксировали важные сведения о состоянии войск противника, гарнизонов, намерениях его командования и настроениях населения неприятельских территорий.

«Краткий словарь видов и разновидностей документов» определяет расспросные речи следующим образом: «запись свидетельских показаний» [6, с. 75]. В российских архивах расспросные речи отложились как отдельные документы, но наиболее часто они входили в состав судебных дел. Подобные документы уже становились объектом изучения. Однако исследователи фокусировались, как правило, на анализе делопроизводства XVII–XVIII вв. в контексте судебных

разбирательств [5, с. 221–222; 8, с. 101; 22, с. 474–475].

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ) в собрании документов о деятельности генерал-адмирала Ф.М. Апраксина сохранился значительный массив расспросных речей (Ф. 233. Оп. 1. Д. 7, 33, 47, 73, 80, 93, 94, 137, 144, 159, 179, 180, 186 и др.). В деле 7 хранятся 24 расспросные речи, в 33 – 2, в 47 – 13, в 77 – 4, в 80 – 9, в 93 – 6, в 94 – 8, в 137 – 8, в 144 – 6, в 159 – 3, в 179 – 4, в 180 – 3, в 186 – 27. Все они связаны с боевыми действиями в 1710–1720 гг. в ходе Северной войны. Это комплекс источников, которые характеризуются похожим происхождением, однородностью и повторяемостью информации, имеют сходный формуляр. Данные свойства позволяют рассматривать расспросные речи как массовые источники.

Расспросные речи военнопленных и дезертиров увидели свет на страницах сборников документов по истории Северной войны [7, с. 451–453, 456–463, 487–490; 9, с. 509–510, 532–538, 620–623, 631–635, 640–643, 652–655; 10, с. 445–446, 647–648, 672–673]. В ряде случаев расспросные речи были опубликованы фрагментарно, из-за чего теряется полнота и целостность информации [10, с. 445–446, 672–673]. Отечественные историки в рабо-

тах, посвященных Северной войне, в состав источниковой базы включали и расспросные речи из фондов РГАВМФ [1, с. 48, 50; 7, с. 97, 301, 356, 362; 11, с. 468, 472–475, 480; 12, с. 69; 13, с. 107, 240, 287; 23, с. 309, 376]. Но специального исследования, анализа и полной публикации этих документов до настоящего времени нет.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения этих источников для всестороннего анализа ведения разведки русской армией в начале XVIII века. Выявление и описание сохранившихся в фонде 233 РГАВМФ расспросных речей дает возможность определить структуру и содержание расспросных речей, их отличительные черты в зависимости от статуса опрашиваемого лица, выявить способы сбора информации и установить степень влияния результатов опросов на принятие последующих решений командованием русской армии. Привлечение обширного комплекса документальных свидетельств позволит существенно расширить знания о механизмах ведения разведки русской армии начала XVIII века.

Методы и материалы. Основу источниковой базы составили материалы РГАВМФ. Особое внимание уделено 117 документам фонда 233 «Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина» (1699–1726 гг.). Материалы подвергались тщательному исследованию с целью оценки достоверности содержащейся в них информации, анализа характера изложенного материала и установления уровня его объективности применительно к разведывательным целям русской армии в ходе боевых действий Северной войны. Помимо общеисторических методов в работе использован метод формулярного анализа. Подчеркнута важность метода допроса как эффективного инструмента разведки в условиях ограниченной технической оснащенности войск того времени.

Анализ. Победа русской армии под Полтавой в 1709 г. ознаменовала переход Северной войны в качественно иную стадию, характеризовавшуюся активизацией военных усилий России против Швеции с целью закрепления на берегах Балтийского моря. 1710–1720 гг. стали временем активного наступле-

ния русских войск, обеспечивших себе превосходство на театре военных действий. В условиях постоянных боевых действий особое значение всегда занимала эффективная организация разведывательной службы. Среди важнейших методов получения сведений, необходимых для последующего планирования боевых операций русской армии, был сбор сведений о противнике, его планах и силах из устных источников.

В годы Северной войны одним из ключевых методов разведывательной деятельности являлся поиск, представлявший собой специальные действия небольших конных подразделений в тылу, на флангах либо на территориях расположения неприятельских сил. В отечественных источниках начала XVIII в. такие акции назывались «партиями». Основной целью поиска был захват пленного («языка») с последующим его допросом [4, с. 35]. Как отмечал военный историк А.З. Мышлаевский, «главным средством для сбора сведений была высылка легучих разъездов, а затем разспрос захваченных ими пленных» [13, с. 105]. Информация, добытая подобным образом, позволяла командованию русской армии своевременно раскрывать обстановку на театре военных действий и успешно планировать дальнейшие боевые операции.

Как правило, в кратчайший срок после захвата «язык» передавался командиру разведывательного отряда, который проводил допрос плененного лица. На основании полученной в ходе опроса информации составлялось ее описание на бумаге (расспросные речи), которое как можно скорее отправлялось вышестоящему военачальнику. Как гласил Артикул воинский 1715 г. «командиру зело потребно есть, чтоб он тотчас пленных получил, и <...> о состоянии неприятеля и его намерении уведомится возмог» [4, с. 36–37]. Сохранившиеся источники указывают на то, что чаще всего расспросные речи прикладывались к письмам, направляемым в ставку командования [14].

Документы, сохранившиеся в государственных архивах РФ, свидетельствуют о том, что в начальный период Северной войны (1700–1710 гг.) записи показаний военнопленных (расспросные речи) представляли собой текст, составленный в произвольной форме

со слов опрашиваемого лица. Их структура не подчинялась четкому формату «вопрос – ответ», а представляла собой изложение полученной информации о том, что знал и видел подвергавшийся допросу [14; 16]. Однако с 1710-х гг., когда начинаются активные боевые действия в Финляндии, расспросные речи стали приобретать строгую структуру. Подобная тенденция обусловлена процессом унификации документации, предпринятым с целью повышения удобства восприятия письменных свидетельств. Впоследствии эта практика нашла свое отражение в Генеральном регламенте 1720 г., утвердившем систему делопроизводства.

Изучение документов канцелярии генерал-адмирала Ф.М. Апраксина за 1710, 1712–1717, 1719 и 1720 гг., когда русская армия и флот действовали в Финляндии, в Балтийском море и на побережье Швеции, дает возможность определить эту сложившуюся систему. В частности, удастся выявить, какая информация интересовала русское командование на том или ином этапе боевых действий, какие вопросы задавались различным категориям пленников, какие сведения вызывали наибольший интерес и как их сбор отражался на принятии решений и оперативной обстановке на разных этапах военной кампании 1710–1720 годов.

Каждый из таких документов представлял собой условный опросник (формуляр), состоявший из вопросов и ответов на них допрашиваемых лиц. В заголовок расспросного листа выносилась дата проведения опроса пленного и его статус. Например, «1717 августа в 20 день взятой швецкой афицер допрашиван» [17, л. 5]. Иногда здесь же указывалось, кем и при каких обстоятельствах был захвачен «язык» и отправлен к вышестоящему командованию: «1715 году декабря в день присланной от генерала-маеора Чекина швецкий прапорщик в допросе сказал» [20, л. 67]. Иногда текст допроса начинался с подробного рассказа об обстоятельствах захвата пленного. Например, вступление к расспросным речам шведского солдата Якоба Симанова содержит следующие сведения: «1713 генваря в 21 день <...> послан был из Выборха Шувалова полку одьютант Малютин с казаками 50 человек, которой наехал на <...>

партию в деревне Кавкиха, от Выборха к Векскалксу морем 8 миль, салдат человек с 40, при которой был капитан, да прапорщик, и бил на них, и оные пехотою пошли отводом, и убили от наших одного казака, дву лошадей ранили, от швецкой партии взято: один салдат, дву человек наших харчевников, которые были взяты в полон, 8 лошадей с санными, 4 фузеи, 4 сумы патронные, убили 2-х человек, и приводной салдат допрашиван, а в допросе сказал» [21, л. 350].

Расспросные речи содержали ряд стандартных вопросов, повторяющихся во всех источниках такого типа. Именно с них начинался допрос. Это имя пленника, воинское звание, принадлежность к воинскому подразделению, происхождение, при каких обстоятельствах и кем он был схвачен. Так, уже упоминаемый выше прапорщик, захваченный партией генерал-майора Ф.Г. Чекина, в допросе сообщал следующее. На вопрос: «Как тебя зовут и какова чину?» – он ответил: «Зовут ево Петр Линд, отставной прапорщик», а на вопрос: «Давно ли ты служишь прапорщиком, и в котором полку был?» – сообщил, что «в прапорщики он пожалован тому ныне шестой год, а прежде сего в ундер афицерах, в салдатах, и в барабанщиках в розных полках служил лет с сорок». На вопрос «кто тебя взял, и в которых местах?» был дан ответ, что «взяли ево казаки у кирхи Кеми» [20, л. 67].

Остальные вопросы формулировались в зависимости от обстоятельств пленения или боевой обстановки, сложившейся на театре военных действий, а также статуса захваченного «языка». При этом формуляр допроса мог быть как коротким и малоинформативным, так и объемным в зависимости от осведомленности опрашиваемого. Чаще всего военным служащим шведской армии спрашивали о численности и расположении вражеских сил, планах противника и направлении движений его войск, предпосылках прибытия подкреплений («сикурса»), о состоянии снабжения шведской армии (провиант, фураж и денежное жалованье), политической обстановке, моральном духе и построениях внутри вражеского лагеря.

Например, тот же прапорщик П. Линд на заданные ему вопросы дал следующие ответы [20]:

Допрос шведского прапорщика П. Линда

Interrogation of Swedish ensign P. Lind

Вопрос	Ответ
Зачем ты у кирхи Кеми был с командой, или в доме своем жил?	Жил при кирхе Кеми и получил указ из армии от Генерала, чтоб собрать мужиков и быть при оной кирхе на карауле, и собрано было в команду ево мужиков полтора человека с ружьем
Есть ли где в других местах какие караулы?	Караул есть в местечке именуемом Торне, стоит капитан Нальстет, при нем мужиков 400 человек с ружьем
Оные мужики правянт откуда себе получали, и есть ли в которых местах правянтские магазинны?	Правянт те мужики имели всяк из своего дому, токмо в кирхах было приказано, чтоб жители с каждого мантеля готовили по 4 бочки хлеба, да по 100 пуд сена
Армия ваша где ныне обретается, и в одном ли месте стоит или порознь?	Пехота ныне з Генералом Армфелтом в местечке Уме, а ковалерия з Генералом маеором Лабаром в месте Луле, да писал к нам ис Торна капитан, что прислано будет в Торн рейтар 600 человек
О королевском величестве имеет ли ведомость, где ныне обретается?	Напред сего слышал он, что королевское величество был в Стральзунте, а ныне где обретается про то он не слышал
В армии вашей правянт какое имеют довольство?	В армии правянт какое довольство имеют, про то он не знает, токмо летним временем правянт привозили из Стокгольма на судах

Показания военнопленных давали русскому командованию возможность оперативно реагировать на изменения ситуации и принимать взвешенные решения. Из процитированных расспросных речей русское командование получило ряд важных разведывательных сведений. Например, информацию о местах расположения сторожевых постов противника и их количественный состав, что давало возможность планировать атакующие операции. К тому же находившиеся там «мужики» имели более низкий моральный дух в сравнении с военнотружущими регулярных войск. Кроме того, были получены не менее полезные сведения о расположении главных сил шведской армии, нахождении короля Карла XII в Штральзунде (Померания), а также о состоянии системы снабжения провиантом в войсках противника.

В зависимости от боевой ситуации и обстановки формировался дополнительный комплекс вопросов к военнопленному. Так, во время осады русской армией Выборга 6 июля 1710 г. был захвачен шведский капитан Франц Фариол. «В роспросе» он сообщил обстоятельства своего пленения: «был он на пекете для

выручки постов, которые в равелине и в капонирах, и как пришли неприятельские люди, и напали на оной капонир, и оной овладели, в котором был урядник и 15 человек салдат, и он с своими людьми пошел к ним на выручку, и как сошлись с нашими людьми, прапорщик, которой с ним был, и салдаты ево команды, ево покинули, и сами ушли назад, и тут ево взяли» [19, л. 39]. Русское командование в это время интересовало вопросы, связанные с оборонительными сооружениями города, состоянием его гарнизона, наличием провианта и боеприпасов, настроением среди местного населения.

Именно на получение этих сведений делался упор при допросе Ф. Фариола, в ходе которого он сообщил важную информацию о положении дел в осажденной Выборгской крепости. В частности, о наличии в гарнизоне 4 полков, 2 батальонов и «4 рот посацких людей, в которых больши 130 человек не будет, да одна рота мужиков, которые от работы почти все замучены». Здесь же отмечались большие потери в личном составе гарнизона и их низкое моральное качество: «из оных полков и баталионов <...> многия побиты и ранены, <...> в городе у них сначала стояли по

100 человек на пекете для выручки, а ныне за малолюдством токмо по 100 человек стоят». От него же русское командование получило ответы на вопросы:

– о состоянии фортификационных укреплений крепости («Которой деревянной бастион у них от воды сначала нашего приходу строили, и после згорел, во время одного бастиона строения побито больши 400 человек»);

– о наличии провианта в городе («О провианте... слышел, что еще будет на два месяца, а дают салдатом по 2 капы ржи, да 6 кап ячменю, <...>. Съесных припасов у них в крепости... гораздо мало, и купить достать невозможно»);

– о морально-психологическом состоянии жителей Выборга, находившихся в осаде («Бедные люди, которые ныне в городе, мужеска и женска полу, помирают з голоду на всякой день человеку по 20 и по 30, таже зело много бьет бомбами и ис пушек»);

– о количестве боеприпасов в гарнизоне («Пороху и прочей амуниции у них довольно, только бомб малое число, всего с 40 будет») [19, л. 40].

Указанные выше ответы капитана Ф. Фариола в комплексе с вопросами других военнопленных давали русскому командованию информацию об оборонительных возможностях гарнизона Выборга. Полученные в ходе расспроса сведения учитывались при формировании плана дальнейшего силового воздействия на город, который в итоге был захвачен.

В 1714–1717 гг. Россия активно действовала на море и проводила сухопутные атаки на прибрежные территории противника. Для совместных операций русской армии и флота необходимы были разведывательные сведения, чтобы военные акции имели максимальную эффективность. Например, в «Журнале» князя М.М. Голицына (1716–1718 гг.), который командовал русским корпусом, действовавшим в Финляндии как на суше, так и на море, неоднократно упоминалась отправка специальных отрядов для захвата «языков», а также успешные результаты их действий [2, с. 165].

Расспросные речи пленников, захваченных в это время, содержали не только ряд важных сведений, но и информацию о ведении разведки вражеской армией. Например, в 1717 г. шведский драгун из Вербованного

полка Юрья Юрьин, захваченный партией капитана Я. Елагина «у кирки Кюро», в ходе допроса сообщил: «командировал их из Ум генерал-лейтенант Лабарт, с капитаны Керкой, Гейкилем, 120 человек. И как прибыли в Вазской уезд, к кирке Нерпис, командировали оные капитаны от себя прапорщика Лембилей до кирки, изо Кюро в 15 человеках для сыскания российских людей. И у оной кирки их взяли, а прапорщик з достальными ушел в лес, а где велено оному прапорщику с капитаны случитца, и как возвратитца в Швецию, того не знает, а российских людей в полон никого при нем не взяли». Кроме этого, драгун сообщил информацию о численности гарнизона города Ума и его командире («3 000 человек, командует оными генерал-лейтенант Лабарт») [18, л. 111]. Из вышеизложенного документа становится понятно, что русские партии не только захватывали «языков», но и проводили контрразведывательные действия против шведских партий. При этом интерес командования вызывали места стоянок таких отрядов и пути их перемещения. Подобные сведения позволяли спланировать нападения на пикеты противника или устроить засады на маршрутах их движения.

Среди сохранившихся источников встречаются расспросные речи служащих шведского морского флота. Получив точные данные о численности кораблей противника и их местоположении, русский флот мог выбирать наиболее выгодные позиции для атак. Типология задаваемых вопросов отличалась от вопросов представителей сухопутной армии. Например, захваченный 20 августа 1717 г. поручик шведского флота Петр Грипенмарк в ходе опроса сообщил обстоятельства своего пленения: «Взят в море около Финских шхер, против Бухшхер к зюйдной стороне, на брегантине “Полюк”, <...> ...И погодою занесло ево к Езелю, и как от Езеля пошел он к старому своему месту, и близ того места взят». Кроме этого в ходе «распроса» он рассказал о цели своей миссии и поставленной перед ним боевой задаче: «Когда шквадра швецкая стояла 12 миль от Стекгольма между Капельшхер и Фурусунд, тогда от виц адмирала Эрифелта дан был ему указ, чтоб он шел к финским шхерам, и смотрел посланного порутчика морского флота Сандера, которой послан был для

уведомления о неприятеле к Готланду на французском взятом судне барке... и повелено ему было, ежели увидит помянутого порутчика Сандерса, поворотить, понеже имели опасение от росийского флота». На вопрос «где обретаетца Стеггольмская шквадра, и сколько в оной караблей, фрегатов, брегантин и галер?» П. Грипенмарк ответил, что «ныне обретаетца в Стеггольме, разснащена вся, <...> для того, будто состоялся мир, однако же подлинно о том сказать не может». Здесь же он дал информацию об известных ему 6 кораблях, входивших в эскадру, их названия, наличие пушек на вооружении, командирах и численном составе команд [17, л. 5 – 5 об.]. Русское командование получило информацию о районах действий шведских разведывательных кораблей и составе находившейся на этом участке вражеской эскадры.

С 1718 г. у русского правительства появились надежды на завершение затянувшейся войны. Для того, чтобы подтолкнуть негговорчивых шведских дипломатов к миру, был проведен ряд разведывательно-диверсионных операций на шведском побережье с высадкой на берег десантов и разрушением вражеской инфраструктуры [3, с. 298–309]. Подготовка и планирование с последующей реализацией таких военных акций требовали получения разведывательных сведений. Так, с прибывших в середине июля 1719 г. к берегам Швеции (30 км от Стокгольма) русских галер Ф.М. Апраксиным к столице была отправлена партия казаков, чтобы «достать знатного языка и зажечь город» [3, с. 302]. Несмотря на то что диверсия у города не удалась, казаки захватили 9 пленных, одним из которых был драбант Эвер Густавбое [15].

Из его расспросных речей видно, что интересовало русское командование. Драбанту задавались следующие вопросы: «Сколько ныне полков, как кавалерии, так и инфантерии, и в какой силе стоят?», «В которых местех она кавалерия и инфантерия стоит?», «При Стокгольме много ль караблей обретаетца, и как велики?», «У Далар остров есть ли крепости, и в какой силности имеютца?», «Есть ли где в которых местех собранные магазины?», «Швеция имеет ли известие партии росийской, которая в нордную сторону командрована?» и др. [15, л. 60–63]. Благодаря ответам Э. Гус-

тавбое из этих расспросных речей русское командование получило сведения о том, какими силами располагали шведы на данном участке и под чьим командованием, о местах расположения пехоты и кавалерии, о военных планах врага, силе крепостей, наличии провианта, какими данными о русской армии и флоте располагал противник. Наиболее важной была информация о наличии кораблей у Стокгольма, их количестве и расположении, нахождении королевской эскадры в море, а также сведения о флотах шведских союзников. Успешное планирование и реализация диверсионных операций в 1719 и 1720 г., которые формировались на основе полученных разведывательных сведений, в итоге привели к достижению желаемого результата, и в 1721 г. со Швецией был заключен мирный договор.

Стоит добавить, что источниками разведывательной информации для русской армии были не только военнослужащие вражеских войск. Сохранились также оформленные подобным же образом расспросные речи местных жителей тех регионов, где велись боевые действия (мещан, пасторов, рыбаков, торговцев и многих других), дезертиров, покинувших войска противника, а также русских соотечественников, вернувшихся из плена. Собранные в ходе допросов сведения, содержавшие часто немаловажную для русского командования информацию, обрабатывались и сверялись с уже полученными данными от военнопленных.

Результаты. Расспросные речи, хранящиеся в собрании РГАВМФ, представляют значительный научный интерес для изучения методов разведки начала XVIII века. Анализ рассматриваемых документов позволяет выявить изменения формуляра расспросных речей в ходе Северной войны. Постепенно, ближе к завершающему этапу конфликта, расспросы приобретали единую форму, содержали перечень типичных вопросов, а также дифференцированных в зависимости от статуса и уровня информированности допрашиваемых лиц.

Проведенное исследование расспросных речей позволило комплексно изучить механизмы ведения разведки русской армией во время Северной войны и оценить их практическую значимость. Определено, что расспросные

речи имели четкую структуру, которая включала вводную (дата, данные об опрашиваемом лице, обстоятельства пленения) и основную части (ответы на вопросы о численности, расположении, передвижениях войск противника, состоянии укреплений, запасах провианта и т. д.). Содержание варьировалось в зависимости от источника информации, но всегда фокусировалось на актуальных разведывательных задачах. Статус опрашиваемого лица напрямую влиял на характер и ценность информации. Для каждой категории вводились дополнительные специальные вопросы, учитывающие их осведомленность и мотивацию. Данные, полученные из расспросных речей, играли ключевую роль в оперативном планировании (корректировка маршрутов маршей; выбор

позиций для сражений и укреплений; распределение сил для прикрытия направлений; организация снабжения и фуражировки и т. д.).

Изучение расспросных речей в период Северной войны демонстрирует, что русская армия начала XVIII в. обладала развитой системой разведки, сочетавшей разнообразные методы сбора информации и процедуры ее проверки. Полученные данные не были формальностью, а напрямую влияли на стратегические и тактические решения командования, что в итоге способствовало успеху военных кампаний. Исследование документальных источников подтверждает высокую степень организации разведывательной деятельности, которая стала одним из факторов укрепления военной мощи России в этот период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базарова Т. А. Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье (нач. XVIII в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы VII ежегод. науч. конф. (14–16 апреля 2005 г.). СПб.: РХГА, 2006. С. 48–56.
2. Иванюк С. А. «Журнал» М.М. Голицына (1716–1718) как источник сведений о событиях Северной войны // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 118: Петровское время в лицах – 2023: К 350-летию со дня рождения Александра Даниловича Меншикова (1673–2023): материалы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2023. С. 162–170.
3. Иванюк С. А. Диверсионные операции русской армии на побережье Швеции (1719–1720) // Петр I у истоков Российской империи: материалы Малого Северного Петровского конгресса, Архангельск, 20–23 апреля 2022 г. Архангельск: [б. и.], 2022. С. 298–314.
4. Иванюк С. А. Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб.: Ист. ил., 2019. 352 с.
5. Калашникова А. А., Проскурякова М. Е. Следственное делопроизводство России: какие документы составлялись в ходе допросов в XVII веке // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Витебск, 27–29 апреля 2023 года. Т. 1. Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2023. С. 221–223.
6. Краткий словарь видов и разновидностей документов / отв. ред. А. С. Малитиков. М.: [б. и.], 1974. 79 с.
7. Кротов П. А. Виктории Флота Петра Великого. СПб.: Ист. ил., 2024. 528 с.
8. Кузнецова Т. А. К изучению формуляра документации судебно-следственных дел по «непригодным речам» до Соборного уложения // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 100–107.
9. Материалы для истории Гангутской операции. Вып. 1. Донесения и письма. Петроград: Арх. Мор. м-ва, 1918. 964 с.
10. Материалы для истории русского флота. Ч. 1 / ред. С. И. Елагин. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1865. 720 с.
11. Мельнов А. В. Действия русских войск на подступах к Выборгу в 1710 г. // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 464–486. URL: <http://www.milhist.info/2012/07/16/melnov>
12. Мошник Ю. И. Гарнизон и население Выборга весной-летом 1710 г. // От Нарвы к Ништадту: петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг.: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 280-летию со дня заключения Ништадт. мира. СПб.: Акционер и К, 2001. С. 68–70.
13. Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб.: Воен. тип., 1896. 672 с.
14. Письмо К. Э. Рёне А.Д. Меншикову, с приложением расспросных речей священника Николаевского монастыря, 19 декабря 1708 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 2367. Л. 2 – 2 об.

15. Расспросные речи девяти шведских военнослужащих, 16 июля 1719 г. // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 186. Л. 60–65.
16. Расспросные речи драгуна Г.Г. Переезчикова, отправленные с письмом генерал-лейтенанта К.Э. Ренне к А.Д. Меншикову, 7 мая 1706 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 1113. Л. 1 – 1 об.
17. Расспросные речи поручика шведского флота П. Грипенмарка, 20 августа 1717 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 159. Л. 5 – 5 об.
18. Расспросные речи шведского драгуна Ю. Юрьина, 1717 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 144. Л. 111.
19. Расспросные речи шведского капитана Ф. Фариола, 6 июля 1710 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 39–40.
20. Расспросные речи шведского прапорщика П. Линда, декабрь 1715 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 93. Л. 67 – 67 об.
21. Расспросные речи шведского солдата Я. Симанова, 21 января 1713 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 33. Л. 350–352.
22. Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Яз. слав. культуры, 2003. 688 с.
23. Шкваров А. Г. Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям» казачьим. СПб.: RME Group Oy: Алтейя, 2012. 416 с.

REFERENCES

1. Bazarova T.A. Sbor svedenij o neprijatele russkoj i shvedskoj armijami vo vremja voennyh dejstvij v Prinevye (nach. XVIII v.) [Collection of Information About the Enemy by the Russian and Swedish Armies During Military Operations in the Neva Region (Early 18th Century)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: materialy VII ezhegod. nauch. konf. (14–16 aprelja 2005 g.)* [St. Petersburg and the Nordic Countries: Proceedings of the Seventh Annual Scientific Conference (April 14–16, 2005)]. Saint Petersburg, RHGA, 2006, pp. 48–56.
2. Ivanjuk S.A. «Zhurnal» M.M. Golitsyna (1716–1718) kak istochnik svedenij o sobytijah Severnoj vojny [“Journal” of M.M. Golitsyn (1716–1718) as a Source of Information About the Events of the Great Northern War]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 118: Petrovskoye vremya v litsakh – 2023: K 350-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Danilovicha Menshikova (1673–2023): materialy nauch. konf.* [Transactions of the State Hermitage Museum. Vol. 118. Peter the Great’s Time in Persons – 2023. On the 350th Anniversary of the Birth of Alexander Menshikov (1673–2023). Proceedings of a Scientific Conference]. Saint Petersburg, Izd-vo Gos. Ermitaga, 2023, pp. 162–170.
3. Ivanjuk S.A. Diversionnyye operacii russkoj armii na poberezhye Shvecii (1719–1720) [Sabotage Operations of the Russian Army on the Coast of Sweden (1719–1720)]. *Petr I u istokov Rossijskoj imperii: materialy Malogo Severnogo Petrovskogo kongressa, Arhangelsk, 20–23 aprelja 2022 g.* [Peter I at the Origins of the Russian Empire: Proceedings of the Small Northern Peter the Great Congress, Arkhangelsk, April 20–23, 2022]. Arkhangelsk, s.n., 2022, pp. 298–314.
4. Ivanjuk S.A. *Malaja vojna russkoj armii v period podgotovki Poltavskogo srazhenija* [The Small War of the Russian Army During the Preparation of the Battle of Poltava]. Saint Petersburg, Ist. il. Publ., 2019. 352 p.
5. Kalashnikova A.A., Proskurjakova M.Ye. Sledstvennoye deloproizvodstvo Rossii: kakiye dokumenty sostavljalis v khode doprosov v XVII veke [Investigative Records in Russia: What Documents Were Compiled During Interrogations in the 17th Century]. *Aktualnye problemy istochnikovedeniya: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vitebsk, 27–29 aprelja 2023 goda. T. 1* [Current Issues of Information Sources: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference. Vitebsk, April 27–29, 2023. Vol. 1]. Vitebsk, Viteb. gos. un-t, 2023, pp. 221–223.
6. Malitkov A.S., ed. *Kratkij slovar vidov i raznovidnostej dokumentov* [A Brief Dictionary of Types and Varieties of Documents]. Moscow, s. n., 1974. 79 p.
7. Krotov P.A. *Viktorii Flota Petra Velikogo* [Victoria of the Fleet of Peter the Great]. Saint Petersburg, Ist. il. Publ., 2024. 528 p.
8. Kuznecova T.A. K izucheniju formuljara dokumentacii sudebno-sledstvennyh del po «neprigozhim recham» do Sobornogo ulozhenija [Registry Card of Investigatory Court Cases on “Indecent Words” Before Council Code (“Sobornoe ulozhenie”)]. *Vestnik RGGU. Serija «Istoricheskiye nauki. Istoriografija, istochnikovedeniye, metody istoricheskikh issledovanij»* [RGGU Bulletin, Scientific History. Historiography, Source Study, Methods of Historical Researches], 2009, no. 4, pp. 100–107.
9. *Materialy dlja istorii Gangutskoj operacii. Vyp. 1. Donesenija i pisma* [Materials for the History of the Gangut Operation. Iss. 1. Reports and Letters]. Petrograd, Arkh. Mor. m-va, 1918. 964 p.
10. Yelagin S.I., ed. *Materialy dlja istorii russkogo flota. Ch. 1* [Materials for the History of the Russian Fleet. Pt. 1]. Saint Petersburg, Tip. Mor. m-va, 1865. 720 p.

11. Melnov A.V. Dejstvija russkikh vojsk na podstupakh k Vyborgu v 1710 g. [Actions of Russian Troops on the Approaches to Vyborg in 1710]. *Istoriya voyennogo dela: istoriya i istochniki*, 2012, vol. I, pp. 464-486. URL: <http://www.milhist.info/2012/07/16/melnov>
12. Moshnik Ju.I. Garnizon i naseleniye Vyborga vesnoj-letom 1710 g. [The Garrison and Population of Vyborg in the Spring and Summer of 1710]. *Ot Narvy k Nishtadtu: petrovskaja Rossiya v gody Severnoj vojny 1700–1721 gg.: sb. materialov Vseros. nauch. konf., posvjashch. 280-letiju so dnja zakljuchenija Nishtadtskogo mira* [From Narva to Nystad: Peter the Great's Russia During the Great Northern War of 1700–1721. Collection of Materials from the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 280th Anniversary of the Conclusion of the Nystad Peace Treaty]. Saint Petersburg, Aktsioner i K Publ., 2001, pp. 68-70.
13. Myshlaevskij A.Z. *Petr Velikij. Vojna v Finljandii v 1712–1714 godakh. Sovmestnaja operacija sukhoputnoj armii, galernogo i korabelnogo flotov* [Peter the Great. The War in Finland in 1712–1714. A Joint Operation of the Land Army, Galley Fleet, and Naval Fleet]. Saint Petersburg, Voen. tip., 1896. 672 p.
14. Pismo K.E. Renne A.D. Menshikovu, s prilozheniyem rasprosnnykh rechej svyashhennika Nikolaevskogo monastyrya, 19 dekabrya 1708 g. [Letter from Lieutenant General C.E. Rönne to A.D. Menshikov, with the Attached Interrogation Speeches of the Priest of the Nikolaevsky Monastery, December 19, 1708]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk* (hereinafter – Arkhiv SPbII RAN) [Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 83, inv. 1, d. 2367, l. 2-2r.
15. Rasprosnnye rechi devyati shvedskikh voyennosluzhashhih, 16 iyulya 1719 g. [Interrogation Speeches of Nine Swedish Soldiers, July 16, 1719]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota* (hereinafter – RGAVMF) [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 186, l. 60-65.
16. Rasprosnnye rechi draguna G.G. Pereezchikova, otpravlennyye s pismom general-lejtenanta K.E. Renne k A.D. Menshikovu, 7 maja 1706 g. [Interrogation Speeches of Dragoon G.G. Pereezchikov, Sent with a Letter from Lieutenant General C.E. Rönne to A.D. Menshikov, May 7, 1706]. *Arkhiv SPbII RAN* [Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 83, inv. 1, d. 1113, l. 1-1 r.
17. Rasprosnnye rechi poruchika shvedskogo flota P. Gripenmarka, 20 avgusta 1717 g. [Interrogation Speeches of the Swedish Navy Lieutenant P. Gripenmark, August 20, 1717]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 159, l. 5-5 r.
18. Rasprosnnye rechi shvedskogo draguna Ju. Juryina, 1717 g. [Interrogation Speeches by the Swedish Dragoon Yu. Yuryin, 1717]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 144, l. 111.
19. Rasprosnnye rechi shvedskogo kapitana F. Fariola, 6 iyulya 1710 g. [Interrogation Speeches of the Swedish Captain F. Fariol, July 6, 1710]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 7, l. 39-40.
20. Rasprosnnye rechi shvedskogo praporshhika P. Linda, dekabr 1715 g. [Interrogation Speeches of the Swedish Ensign P. Lind, December 1715]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 93, l. 67-67 r.
21. Rasprosnnye rechi shvedskogo soldata Ja. Simanova, 21 janvarja 1713 g. [Interrogation Speeches by the Swedish Soldier J. Simanov, January 21, 1713]. *RGAVMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 233, inv. 1, d. 33, l. 350-352.
22. Tikhomirov M.N. *Trudy po istorii Moskvy* [Works on the history of Moscow]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2003. 688 p.
23. Shkvarov A.G. *Kazachestvo epohi Petra Velikogo. Konec «volnostjam» kazachyim* [Cossacks in the Era of Peter the Great. The End of Cossack "Liberties"]. Saint Petersburg, RME Group Oy, Aletheia Publ., 2012. 416 p.

Information About the Author

Sergey A. Ivanyuk, Candidate of Sciences (History), Director, Central Museum of Communications named after A.S. Popov, Pochtamtsky Lane, 4, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation, cms_museum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>

Информация об авторе

Сергей Александрович Иванюк, кандидат исторических наук, директор, Центральный музей связи им. А.С. Попова, Почтамтский пер., 4, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, cms_museum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>